

ГОИГ

Газета о нашей гимназии

30 октября 2019 года № 2 (246)

Незабытое

Выпуск нашей газеты посвящен жертвам политических репрессий, происходивших в первой половине XX века. Обращаться к этой теме очень важно, особенно сейчас, когда память о человеческих судьбах понемногу ускользает не только от подрастающих поколений, но и от тех, кто еще застал Советский Союз.

Цель данного выпуска - заставить людей задуматься о необходимости помнить. Помнить об ужасе, который черным шлейфом тянулся за семьями, членов которых ссылали в самые отдаленные уголки страны, - лишь бы избавиться, убрать негодных и подозрительных. Помнить о судьбе обычных людей, чья жизнь была перечеркнута и отправлена в забвение. Помнить потому, что мы - это они. Такие же обыкновенные частицы государственной машины.

Может быть, это станет залогом того, что история репрессированных, расстрелянных, чья жизнь оборвалась так внезапно и так несправедливо, больше не повторится никогда.

Соловецкие очерки

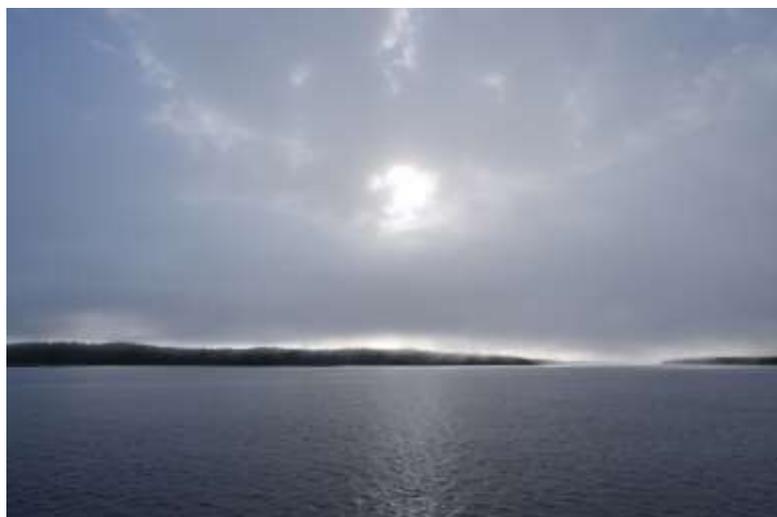
*Нет, и не под чуждым
небосводом,
И не под защитой
чуждых крыл, -
Я была тогда с
моим народом,
Там, где мой народ,
несчастью был.
Анна Ахматова*

Этим летом мы ездили на Соловки - колыбель ГУЛАГа, место, где год за годом совершенствовалась и отлаживалась машина по переработке людей, этакий идеальный аппарат по очистке общества от опасных и подозрительных, мешающих идти вперёд. А ненужное надо было обрывать, избавляться от обузы, давя их огромным катком репрессий. Ведь что может произойти, если враги народа останутся в стране - они развалят её и светлое будущее всего советского народа. Так скорее налаживайте конвейер: статья, печать, поезд, барак - и пусть текут нескончаемые реки неугодных, пусть уходят в забвение, «на 10 лет без права переписки», чтобы потом никогда не вернуться домой.

Исторические судьбы Соловков

И все же я хочу спросить — кто написал четыре миллиона доносов?»

С. Довлатов

Именно там, на неприступных островах, зародилась система, ни во что не ставящая человеческую жизнь, система безобразная, уродливая и фальшивая,

построенная на лжи, доносительстве и несправедливости. Архипелаг был первой точкой, местом, где она оформилась, проявилась, выработала свои правила и устои. Именно здесь людей натаскивали на себе подобных словно собак. Здесь сформировалась культура убийства, возведенная в абсолют позднее, когда С.Л.О.Н. уже был расформирован за ненадобностью. Его роль - роль очага заражения, от которого болезнь, паразитируя и обрастая все более убийственными симптомами, поползла по огромной стране, через половину земного шара.

И ужас Соловков не столько в том, что происходило непосредственно там, а в том, местом начала какого исторического явления они стали.»

Соловецкий

лагерь особого назначения был основан в 1923 году почти сразу после появления СССР - не слишком хорошее начало для новой

страны, но того требовала Идея. Первым начальником лагеря стал А. П. Ногтёв.

«При выходе этапа на берег и перекличке, он застреливал одного или двух узников и выходил к оставшимся с приветствием: «Здорово, грачи!». Этот человек, как пишет Борис Ширяев, стремился «внедрить в них {новоприбывших} сознание полной бесправности, безвыходности, пресечь в корне возможность попытки протеста, сковать их волю, установить полное автоматическое подчинение "закону соловецкому"». Жестокость режима и свою собственную невозможность защищаться как человека, лишённого человеческих прав, узник осознавал ещё на берегу. Наверное, именно в этот момент, человек понимал, что уже «не разберутся», что совершённая чудовищная ошибка не будет исправлена. По воспоминаниям Созерко Мальсагова, первого бежавшего из узников, каждый

охранник лагеря (Бокий, Эйхманс, Гладков) отличался жестокостью по отношению к заключённым.»

Эйханс, к слову, стал следующим начальником лагеря. «Самое интересное, что до революции 1917 года Эйхманс не интересовался политикой, а затем, уже после переворота, вступил в партию большевиков. Мне кажется, что скорее воля случая и желание остаться на плаву, нежели глубокое убеждение, руководили будущим начальником ГУЛАГа: «Политические мотивы в выборе Эйхмансом большевистской партии не играли особой роли, он просто реализовал «шанс на карьеру». Федор Иванович был назначен начальником восточного отделения ГПУ, отвечавшего за «борьбу с контрреволюцией» на Центральноазиатских территориях. Он проводил жестокие репрессии и массовые расстрелы - уже тогда выразилась его безграничная ненависть к контрреволюционерам и просто невинным или «неудобным» людям. В 1925 году, по своим «качествам», сделавшим Эйхманса пригодным для должности в глазах Ф. Дзержинского, Федор Иванович был назначен начальником СПОНа. «У нас тут власть не советская, а Соловецкая!» - слова, брошенные Эйхмансом, означавшие, что люди, сосланные на Соловки, обречены на беззаконие и неограниченную жестокость, от которых советская власть их не сможет защитить. По воспоминаниям заключенных, Эйхманс обладал маниакальной страстью к военной муштре и парадам и требовал от узников того же.

«Не считаясь совершенно ни с возрастом, ни с полом заключенных, он требует от всех солдатской выправки, отдания чести ему и всей администрации, выстраивании при встрече с ним во фронт, участия голодных и босых «Рабочих рот» в дурацких смотрах и парадах. Эта столь же жестокая, как и глупая игра в солдатики приносит немало мучений заключенным. Достаточно не так повернуться на «параде», неправильно построить ряды, не стройно ответить: «Здра-сте това-рищ началь-ник!» и - как взбешенный Эйхманс обрушивается на виновного рядом репрессий, вплоть до Секирки» (А. Клиггер).»

В образах этих начальников отразилась вся суть СЛОНа - идея обезчеловечивания, дегуманизации как пути перевоспитания врагов народа. «Заключенный Олег Гордиевский вспоминал: «В НКВД, как и в партии, условия террора способствовали выживанию самых аморальных, тех, кто был готов спасти себя, оклеветав других. Солдаты расстрельных отрядов НКВД, располагавшихся вокруг ГУЛАГа, как правило, становились алкоголиками. Каждое утро, когда они забирали из оружейной комнаты свои винтовки, им давали стакан водки, после чего они грузили свои жертвы на грузовики, везли их к яме, которую выкопали уголовники, строили их и начинали расстреливать:

«Некоторые молчали, другие начинали плакать, говорить, что они верные коммунисты, что умирают невинными и т. д.

Но женщины только плакали, прижимаясь покрепче друг к другу». Иногда солдаты НКВД строили заключенных в линию, затылок в затылок, и устраивали соревнование: кто скольких убьет с одного выстрела. Потом они возвращались обратно в лагерь, сдавали свои винтовки в оружейную комнату, получали столько водки, сколько могли выпить, и шли спать”

Роль человека в системе

«Заключенный - человек, которого человеком не считали. Его воспринимали как животное (ВРИДЛО - временно исполняющий должность лошади), а иногда и хуже. Достаточно сравнить рацион пушного зверя на островах Долгой губы с рационом узника лагеря, работавшего на торфоразработках. Потому что таких узников много, и постоянно приходят новые, и выгоды от них, в отличие от звериных шкурок, почти нет. Это, фактически, расходный материал. Они, стояли, сжираемые гнусом, умирали, валили лес, умирали, отрубали себе конечности, чтобы не работать, не умереть от истощения и все равно умирали. И все же большинство из них в этих условиях, направленных на уничтожение в человеке всего того, что делает его человеком, а потом и его самого (именно в такой последовательности), сохранило лицо. Благодаря их воспоминаниям сейчас мы знаем о том, что по-настоящему происходило на островах. В другом свете это представляли второму человеку.

Этот второй - единственный, у кого есть конкретное имя. Алексей Максимович Пешков. Писателя привезли на Соловки в 1929 году, чтобы погасить разгоравшийся международный скандал. Западные страны решили прекратить закупку леса в СССР, так как благодаря воспоминаниям немногих, кому удалось бежать за

границу, стали известны условия лагерных лесозаготовок. То, что лазарет был пуст, простыни белые, а заключенным в руки дали газеты неудивительно. Сложнее понять психологию того, для кого строилась эта бутафория. Он все знал, все понимал или понял во время пребывания в лагере. Он не смог провести там даже одну ночь и вечером того же дня, когда теплоход «Лев Бокий» причалил к соловецкой земле, отплыл обратно на материк. Понимал он и надежды узников С.Л.О.Н.а, связанные непосредственно с его именем. Почему по возвращении в Москву он все-таки смог написать злополучный очерк «Соловки», радостно описывающий благородное перевоспитание заблудших умов? Самый простой ответ - страх. Зачем же было возвращаться, если боялся... А может, он просто ничем не отличался от третьего.

Третий человек - тот, кого сложнее всего осознать и понять. Этот человек до определенного момента остается чем-то размытым, наполовину мифом, наполовину видением. И только потом, непонятно отчего, проскакивает страшная мысль: «Ведь если существовала вся эта кошмарная, абсолютно античеловечная система, если взаправду был ГУЛАГ, были Соловки, и с этим никто ничего не сделал, значит, были люди, для которых происходившее было естественным и нормальным, которые считали закономерным и правильным то, что нормальный человек считает худшим проявлением России XX века, которые, в конце концов, расстреливали.»

Сейчас Соловецкие острова снова живут нормальной жизнью. XX век закончился, а валуны на берегу, как и в XV-м, снова неторопливо обкатывает беломорская волна. Так же светло летом по ночам, так же светит холодное северное солнце. Снова здесь живут обычные люди. Человек XX века покинул архипелаг. И лишь бы ни один из троих никогда сюда больше не вернулся.

Отголоски прошлого

"Теперь две России взглянут друг другу в глаза -

Та, что сидела, и та, что сажала"

Анна Ахматова

Путешествие на Соловки закончилось, но наше погружение в мрачный мир лагерей и репрессий отнюдь нет. Осенью нас занесло в Смоленск, где мы опять посетили один из мест расстрелов, только на этот раз гораздо южнее, в Катынском лесу. Там небо начертано неясно, грубыми неряшливыми мазками и такой же неясной голубовато-серой краской. Непрестанно моросит, бьёт по спинам колючий дождь. Через стеклянные ворота - тонкую грань между мирами - входим.

Здесь можешь говорить только шёпотом, а напряжение в воздухе ощущаешь кожей. Опустошение медленно расползается по телу, сковывая движения. Бродишь среди имен, со странным любопытством ища знакомые. Всё ржавое, скрипучее и мокрое - совсем как в том вагоне, что, стуча по рельсам, уносил польских офицеров в глубь Катынского леса.

Выстрел. Еще один. И еще 4000 таких же. Весной 1940 года прошла «Операция по разгрузке лагерей», в ходе которой были расстреляны польские военнопленные, взятые Советским Союзом в 1939 во время вторжения в Польшу. Этот поход получил название «освободительный поход РККА», он должен был освободить Западную Украину и Белоруссию из-под Польской власти. 17 сентября Красная армия вступила на территорию Польши согласно Договору о ненападении между Германией и СССР. В течение этой операции было захвачено огромное количество польских солдат и офицеров. Всех пленных распределили по нескольким лагерям (Козельский, Осташковский, Старобельский), а весной 1940 поступил приказ расстрелять большую часть из них.

В 1943 году пришедшие немцы проводили расследование, в ходе которого были обнаружены могилы расстрелянных поляков и более ранние - жертв репрессий. На Нюрнбергском процессе так же «молчаливо признали вину СССР», но внутри страны продолжили говорить о немецких пулях, а следовательно, вине немцев. После проводилось еще несколько расследований, но свою вину СССР признал лишь в 1990 году. В 2000 был создан мемориальный комплекс «Катынь», включивший в себя захоронения 4415 польских военнослужащих и 6,5 тысяч жертв сталинских репрессий 30х гг. Моноблоки с именами чьих-то родственников, тянущиеся и тянущиеся, деревянные настилы, проспектами проложенные между холмиками могил, и солдат - сильный, здоровый, но такой неустойчивый и хрупкий на ногах, подкосившихся от выстрела.

Однако до сих пор нет однозначного мнения насчет Катынского расстрела, хотя уже в 1943 году было доказано, что эта кровь - на руках НКВД. И сегодня проводятся споры, пишутся статьи - всё ещё ищут лазейки, чтобы снять с себя ответственность за это неудобное преступление. Даже в музее памяти нет документа, где чёрным по белому: «расстрелять» и подпись «Берия». Но замалчивание не может длиться вечно, и то, что сейчас об этом можно написать в школьной газете говорит о том, что всё-таки те времена уходят в далёкое прошлое.

Проходят десятилетия, а отголоски тех жестоких времён все еще доносятся до нас, протяжным и надрывным стоном отзываясь в сердце. До сих пор Соловки стоят огромной устрашающей уродливой глыбой посреди истории 20 века. А события, происходившие в то время, влияют на людей и сегодня, ведь живы дети тех, кто был там охранником, начальником, солдатом, заключенным - некоторые так и живут по тем правилам, где власть Соловецкая. Система ГУЛАГа сформировала поколения людей, живущих в страхе перед государством, которое должно их защищать, а не расстреливать. И страшно, что от страны, где доносы - часть быта, а ночью у двери квартиры незнакомцы в пальто - норма, нас отделяет всего 30 лет.

Остается надеяться лишь на то, что эта история никогда не повторится, а память о ней останется лишь днем в календаре. Но днем значимым, в который стоит, как и всегда помнить, что, несмотря ни на какие обстоятельства, главное все время видеть в человеке человека.

*"Две России - взглянули друг другу в глаза,
Ужаснулись, и вновь отвернулись..."*

За предоставленные материалы спасибо Наде Анипкиной, Лизе Войцехович, Илье Зайцеву и Маше Кайгородовой.

Газету редактировала Юля Гольм